

The background of the cover is a detailed illustration of a serene forest scene at night. A small, rustic wooden cabin with a gabled roof and a chimney sits on a grassy bank to the right. Several windows are lit from within, casting a warm glow. A river flows from the background towards the foreground, with small rapids and a waterfall. On the left bank, a bright campfire burns, illuminating the surrounding rocks and trees. The sky is dark and cloudy, with a full moon partially visible. Tall evergreen trees frame the scene on both sides, and distant mountains are visible in the background.

АНАСТАСИЯ СОБЯНИНА

МЁРТВАЯ ВОДА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анастасия Собянина

Мёртвая вода

<https://litres.ru/74087334>

SelfPub; 2026

Аннотация

Шестеро друзей отправляются на выходные к лесной реке, чтобы отпраздновать конец сессии. Шашлыки, танцы, костёр и первая ночь любви под звёздами — всё обещает быть идеальным. Но когда наступает время возвращаться домой, дорога приводит их обратно на ту же поляну. Снова и снова.

Место, которое они выбрали для отдыха, носит дурное имя — Мёртвая Вода. Здесь сто лет назад исчезла целая деревня, и древняя Хозяйка этих мест всё ещё ждёт новых гостей. Она предлагает им игру. Шестеро друзей должны ответить на её вопросы, и цена за ложь — смерть на рассвете.

Настя и Кирилл ещё не знают, что их зарождающаяся любовь — не спасение, а главная приманка. Ведь Хозяйка питается не страхом. Она питается любовью. И самая вкусная любовь — та, ради которой готовы умереть.

Содержание

Глава 1. Кровь на папоротнике	4
Глава 2. Дыхание мёртвой воды	21
Глава 3. Голоса в пламени	35
Глава 4. Испытание первое. Прада или ложь	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Анастасия Собянина

Мёртвая вода

Глава 1. Кровь на папоротнике

Автомобиль дернулся в последний раз и затих, словно глубоко вздохнув перед долгой спячкой. Белый «Фольксваген» Кирилла, весь в разводах от пыли и придорожной грязи, встал как вкопанный на небольшой поляне, окруженной стеной вековых сосен. Настя, сидевшая на переднем сиденье, отстегнула ремень безопасности и потянулась, чувствуя, как затекшая спина благодарно хрустнула. В зеркале заднего вида она видела, как из машины, словно горох из перезревшего стручка, высыпали их друзья. Ленка, ее лучшая подруга, сразу же закурила тонкую сигарету, выпуская дым в кристально-чистый воздух, который пах хвоей и чем-то сладким, цветочным. Ее парень, Антон, тут же начал разминать плечи, громко комментируя, как у него затекла шея. С заднего сиденья, кряхтя, выбрался Дэн — балагур и душа компании, а за ним его тихая, словно мышь, девушка Вика.

— Боже, какая красота! — выдохнула Настя, выходя из машины и поправляя легкий сарафан. Солнце, клонившееся к закату, пробивалось сквозь кроны деревьев длинными, золотыми копьями, и от этого поляна казалась сказочным,

зачарованным местом. Справа, метрах в двадцати, блестяла гладь реки, спокойная и темная в этот предвечерний час. Легкий ветерок гнал по воде мелкую рябь, которая разбивала отражение сосен на тысячи дрожащих осколков.

Кирилл подошел к ней сзади и положил руки на плечи. Его прикосновение было горячим и уверенным. Настя кожей почувствовала тепло его ладоней и на мгновение прикрыла глаза, наслаждаясь моментом. Они встречались уже полгода, и каждый раз от его близости у нее сладко замирало сердце. Он был спокойным, рассудительным, с этой своей вечной легкой небритостью и внимательным взглядом карих глаз. Его спутанные русые волосы слегка трепал ветер.

— Ну что, капитан, доволен экипажем? — улыбнулась она, не оборачиваясь. — Более чем, — прошептал он ей на ухо, и от его дыхания по ее коже побежали мурашки. — Смотри, мы словно на краю света. Тишина, река, никакой цивилизации. То, что доктор прописал.

Пока парни разгружали багажник, доставая тяжелые пакеты с маринованным мясом, коробки с овощами и бутылками, Настя и Ленка начали обустривать место для пикника. Они нашли старый, почерневший от времени мангал, врытый в землю неподалеку от старого кострища. Кто-то явно уже отдыхал здесь до них, но мусора не оставил, что было удивительно и приятно.

— Насть, как думаешь, надолго мы здесь? — спросила Ленка, стряхивая пепел в пустую банку из-под газировки.

Она была полной противоположностью Насти — взрывная, с короткой стрижкой, крашенная в ярко-розовый, и с неизменным скепсисом в голосе. — А то Антоша мне уже плешь проел своей рыбалкой. Говорит, здесь клев должен быть бешеный. — Да пусть рыбачит, — отмахнулась Настя, расстилая старый плед прямо на траве. — Мы не торопимся. Завтра воскресенье, на учебу только во вторник. У нас куча времени, чтобы просто выдохнуть. Забыть про этот город, про шум, про родителей — И про бывших, — ехидно добавила Ленка, подмигнув. — И про них в первую очередь, — рассмеелась Настя.

Солнце медленно спускалось за лес, окрашивая небо в фантастические оттенки розового и оранжевого. Воздух стал гуще и прохладнее. Дэн и Кирилл развели костер. Сначала робкий язычок пламени лизнул сухую бересту, а затем с треском и веселым гудением огонь охватил сложенные шалашиком ветки. Сразу стало уютнее, словно этот пылающий островок тепла обозначил центр их маленькой вселенной.

Запахло дымком и шашлыком. Антон, нацепив на себя фартук с дурацкой надписью «Шеф-повар», колдовал над мангалом, ворочая шампуры и со знанием дела проверяя готовность мяса. Шипение капающего на угли жира смешивалось с музыкой, которую Дэн включил на портативной колонке. Это было идеально. Именно то, о чем Настя мечтала всю бесконечно долгую сессию.

Она сидела на пледе, поджав под себя ноги, и смотрела на

огонь. Кирилл сидел рядом, близко, касаясь своим бедром ее бедра. Вика, которая до этого сидела молча, вдруг заговорила. Ее голос был тихим, почти заглушаемым треском костра. — А вы знаете, что это за место? — спросила она, глядя не на друзей, а куда-то в темноту, за освещенный круг.

Дэн, который как раз наливал всем газировку в пластиковые стаканчики, фыркнул. — Викуля, ну ты опять со своими байками? Место как место. Красивое, глухое. Самое то, чтобы спрятаться от цивилизации. — Нет, правда, — не унилась она, и в ее больших, всегда немного испуганных глазах отражались блики пламени. — Я читала про эту реку. Ее называют Мертвая Вода. Или Черная Топь. Говорят, здесь раньше была деревня. — Ну и что? — Антон перевернул очередную порцию шашлыка. — Мало ли брошенных деревень? Дачники разъехались, спились — Она не разъехалась, — Вика обхватила себя руками за плечи, будто замерзла, хотя от костра шел ощутимый жар. — Она исчезла. Полностью. Говорят, в конце девяностых здесь жили люди, а потом в одну ночь просто пропали. Все до единого. И дома стояли пустые, с открытыми дверями, на столах еда. Как будто они все разом вышли и не вернулись.

На мгновение повисла тишина, нарушаемая только шипением углей и стрекотом цикад. Настя почувствовала, как по спине, несмотря на тепло от костра, пробежал неприятный холодок. Она невольно плотнее прижалась к Кириллу. — Вика, ну хватит, а? — Ленка закатила глаза и выбросила оку-

рок в костер. — Мы только приехали, расслабились, а ты с кладбищенскими историями. Хочешь нас запугать?— Я не пугаю, — обиженно протянула Вика. — Я просто рассказываю. В интернете про это место много написано. Его еще называют Лысая Плешь. Видите, — она махнула рукой в сторону реки, — берега почти без растительности, одна трава, а дальше — сплошная стена леса. Говорят, деревья здесь не растут, потому что земля проклята.

— Чушь, — авторитетно заявил Кирилл, но его рука, лежавшая на колене у Насти, чуть заметно напряглась. — Обычная аномалия почвы. Может, там глина или соли тяжелых металлов. Не слушай ее. Местный фольклор для туристов.— Вот именно! — поддержал его Антон. — Шашлык готов, народ! Налетай, пока горяченькое. Сейчас мы этими байками закусим, и все страхи как рукой снимет.

Все оживились, потянулись за тарелками. Страшная история Вики была забыта так же быстро, как и появилась. Запах жареного мяса и специй перебил все остальные запахи. Еда была потрясающей. Сочное, с легкой корочкой мясо таяло во рту, овощи были свежими и хрустящими. Дэн травил анекдоты, Антон ему подыгрывал, рассказывая невероятные истории о своих рыбацких подвигах, Ленка громко смеялась, а Кирилл подкладывал Насте самые лучшие куски. Вика, немного надувшись, тоже успокоилась и улыбалась, поглядывая на своего шумного парня.

Когда с едой было покончено, а костер прогорел до круп-

ных, пышущих жаром углей, Дэн прибавил громкость музыки. Что-то ритмичное, дерзкое.— А ну, танцевать! — командовал он, схватил Вику за руку и закружил ее вокруг костра. Антон и Ленка, недолго думая, присоединились.

Настя смотрела на них, чувствуя себя абсолютно, безгранично счастливой. Она подняла голову к небу. Оно было чернильно-черным, и на нем, вдали от городской засветки, высыпали звезды. Млечный Путь раскинулся широкой туманной полосой. Такого неба она не видела никогда в жизни. Оно казалось живым, дышащим, бездонным.

— Потанцуем? — Кирилл протянул ей руку. Она кивнула. Они отошли чуть в сторону от общей суеты, в полумрак, где свет костра был мягче. Он обнял ее за талию, она положила руки ему на плечи. Они медленно двигались в такт музыке, которая доносилась до них словно сквозь вату.

— Настька, — прошептал он, глядя ей прямо в глаза. В их темной глубине плясали крошечные отблески далекого костра. — У меня такое чувство, что это место особенное. Здесь все по-другому. — Я тоже это чувствую, — призналась она. — Здесь так спокойно. Как будто весь мир остался где-то там, за этим лесом. — Я люблю тебя, — сказал он просто, но так, что у нее внутри все перевернулось. Это было первое его признание. Не дежурное «люблю», брошенное впопыхах, а настоящее, весомое, сказанное именно в эту минуту и в этом месте.

Она не успела ответить. Он наклонился и поцеловал ее.

Медленно, глубоко, сминая ее губы своими. Это был поцелуй, от которого подкашивались ноги. Его руки скользнули с ее талии ниже, на бедра, прижимая ее ближе. Она почувствовала жар его тела даже сквозь одежду, его напряжение. Их тела притерлись друг к другу, находя идеальный ритм. Его дыхание стало прерывистым и горячим, он целовал ее шею, ключицы, спускаясь все ниже, оттягивая край сарафана. Настя задохнулась от нахлынувшего возбуждения, такого острого и неуместного здесь, в двадцати шагах от друзей. Но ей было все равно. Весь мир сузился до его прикосновений, до его губ на ее коже. Ее пальцы зарылись в его волосы, она с силой притянула его голову обратно к своему лицу, отвечая на поцелуй со всей страстью, на которую была способна. Это было обещанием, прелюдией к чему-то большему, что обязательно случится позже, ночью, когда все утихнет.

— Ребята, вы там не уснули? — раздался громкий голос Дэна, разрушая магию момента. Они с неохотой оторвались друг от друга, тяжело дыша. Настя поправила сарафан, чувствуя, как горят щеки. Кирилл сжал ее руку, успокаивая и словно говоря: «Позже».

Они вернулись к костру, где уже началась новая фаза вечеринки. Ленка нашла в сумке зефир, и они жарили его на палочках, соревнуясь, у кого получится более румяная корочка. Антон рассказывал про огромную шуку, которая сорвалась у него с крючка прямо здесь. Вика, прислонившись спиной к бревну, дремала. Дэн, уже слегка охрипший, пел

какую-то нестройную песню.

Время перевалило за полночь. Костер почти догорел, только алые угли пульсировали в темноте, словно сердце умирающего зверя. Решено было ложиться спать. Палатки ставили еще засветло, две большие, трехместные. В одной должны были спать Дэн и Вика, а в другой — они вчетвером. Но Антон с Ленкой заявили, что они останутся спать в машине, так как Антону «нужна жесткая поверхность для его проблемной спины».

Настя и Кирилл переглянулись. Это был их шанс. Они заползли в палатку. Воздух внутри был теплым и чуть спертым. Кирилл застегнул молнию на входе, отрезая их от остального мира. Слабый свет луны просачивался сквозь тонкую ткань, придавая всему призрачное, серебристое свечение.

— Наконец-то одни, — выдохнул он, притягивая ее к себе. На этот раз они не торопились. Это не было похоже на их прежние, часто поспешные ласки. Сейчас, в этой лесной тишине, каждое прикосновение было наполнено особым смыслом. Его руки изучали ее тело, как карту неизведанной земли. Он медленно снял с нее сарафан, покрывая поцелуями каждый обнаженный сантиметр кожи. От его губ исходил нестерпимый жар, контрастирующий с ночной прохладой, проникающей в палатку. Настя кусала губы, чтобы не застонать в голос, чувствуя, как волны наслаждения накатывают одна за другой. Тишина леса, казалось, усиливала каждый

звук: шорох спальников, их прерывистое дыхание, тихий, рвущийся из груди шепот. Они двигались в унисон, как единый организм, и в этот момент Настя ощутила не просто физическую близость, а какое-то мистическое, абсолютное слияние с ним. Все ее существо, каждая клеточка вибрировала от остроты чувств. Это было совершенством.

Позже, когда они лежали обессиленные, но счастливые, прижавшись друг к другу, Настя начала проваливаться в сон. Засыпая, она слышала, как где-то вдалеке, за рекой, странно и тоскливо закричала ночная птица. Крик был резким, оборванным на полуноте, словно птице кто-то внезапно сдавил горло. Настя поежилась, но сил открыть глаза уже не было.

Пробуждение было тяжелым, липким. Ей снилось что-то тревожное, но она не могла вспомнить, что именно. Ее разбудил яркий солнечный свет, заливший палатку, и громкие голоса снаружи. Кирилла рядом не было, его спальник был пуст и уже остыл.

Она оделась и вылезла наружу. День был в самом разгаре. Солнце стояло уже высоко, заливая поляну ярким, почти обжигающим светом. Утро было даже лучше, чем вчерашний вечер. Антон, как и обещал, уже сидел с удочкой на берегу. Ленка и Вика, разложив полотенца, загорали прямо на траве. Дэн на кострище пытался соорудить завтрак. Пахло растворимым кофе и подгоревшей кашей. Кирилл, увидев ее, широко улыбнулся и помахал рукой.

— Доброе утро, соня! Как спалось?— Прекрасно, — от-

ветила она, подходя к нему и целуя в щеку. — Лучшая ночь в моей жизни. — И моя, — прошептал он ей на ухо, и она снова почувствовала тот самый трепет.

Весь воскресный день пролетел как одно мгновение. Они купались в реке, которая оказалась обжигающе-холодной, несмотря на жару. Вода в ней и правда была странной, темной, почти черной, и это рождало смутное чувство тревоги. Купались недолго, только чтобы освежиться. Играли в волейбол, натянув старую сетку между соснами. Много смеялись, дурачились. Настя поймала себя на мысли, что впервые за долгое время чувствует себя по-настоящему живой и свободной.

Ближе к вечеру настроение неуловимо изменилось. Небо, такое чистое с утра, начали затягивать низкие, свинцовые тучи, наползающие из-за леса. Ветер усилился и стал порывистым, неприятным. Он трепал волосы и гнал по воде мелкую, злую волну. Пришло время собираться домой.

Сборы прошли быстро и слаженно. Все понимали, что погода портится и надо успеть выехать на трассу до ливня. Мусор тщательно собрали в пакеты и погрузили в машину — Кирилл был педантичен в этом вопросе. Настя в последний раз окинула взглядом поляну, чувствуя легкую грусть от расставания с этим местом, которое подарило им столько волшебных моментов.

Расселись так же, как и ехали сюда. Кирилл за рулем, Настя рядом. Ленка, Антон, Дэн и Вика — сзади. Двигатель

чихнул и завелся. «Фольксваген», мягко покачиваясь на ухабах, выехал с поляны на грунтовую дорогу, ведущую сквозь лес к шоссе.

— Ну что, народ, всем спасибо за отличные выходные! — бодро сказал Кирилл, выруливая на более-менее ровную колею. — Сейчас доедем до заправки, зальем полный бак, и часа через три будете дома. — Отлично, — подала голос Ленка. — Я уже мечтаю о горячей ванне. — А я о пицце! — добавил Дэн.

В машине царило благодушное, немного уставшее настроение. За окном мелькали сосны, однообразный, убаюкивающий пейзаж. Настя прислонилась головой к стеклу, глядя на темнеющее небо. Кирилл включил радио, но оно шипело, ловя только обрывки помех. Он выключил его.

Прошло минут пятнадцать. Дорога петляла. Настя заметила странную, необычно изогнутую сосну, похожую на скрюченную человеческую фигуру. Ей показалось, что они уже проезжали мимо нее. «Нет, ерунда, — одернула она себя. — В лесу все деревья на одно лицо».

— Слушай, Кир, — вдруг подал голос Антон, наклонившись вперед с заднего сиденья. — Ты уверен, что мы правильно едем? Мне кажется, до шоссе было ближе. Мы уже минут двадцать петляем. — Я еду по навигатору, — ответил Кирилл, кивнув на телефон, закрепленный на панели. — Он показывает, что мы на правильном пути. Где-то через пару километров должен быть выезд на трассу. — Навигатор глю-

чит, связи же нет, — заметила Ленка. — Ты когда его обновлял?

Кирилл нахмурился, бросив взгляд на экран телефона. Маркер их машины медленно полз по серой линии дороги, окруженной зеленым пятном леса. Но стрелка направления постоянно вращалась, не в силах зафиксироваться. — Действительно, сигнал слабый. Но дорога одна, мы никуда не сворачивали. Просто едем прямо. Не мог же я заблудиться на единственной колее.

В салоне повисла напряженная тишина. Усталость и раздражение начинали сгущать воздух. Дорога тем временем становилась все более неровной, заросшей. Ветки деревьев хлестали по кузову и стеклам машины. Дождь пока не начался, но небо стало совсем черным. А потом они выехали из леса. И мир рухнул.

Кирилл резко, до скрипа тормозов, нажал на педаль. Машина дернулась и замерла. — Что за черт — только и смог выдохнуть он.

Перед ними, в свете фар, пробивающихся сгущающиеся сумерки, была та самая поляна. Их поляна. Справа блестела темная гладь реки. Прямо по курсу, у кромки леса, стояли две их палатки. И, что самое жуткое, в центре поляны, на месте старого кострища, чернела куча свежего пепла. Их пепла.

В машине на несколько секунд воцарилась гробовая, звенящая тишина. Слышно было только, как тяжело, с при-свистом дышит Антон. Настя смотрела на поляну, и ледя-

ной ужас медленно сковывал ее внутренности, поднимаясь от живота к горлу. Она не могла отвести взгляд от палаток. Вход в их с Кириллом палатку был расстегнут, и полог ткани слегка колыхался на ветру, словно приглашая внутрь.

— Это какая-то шутка? — прошептала Вика побелевшими губами. Ее голос дрожал. — Это ты пошутил, Дэн?— Я?! — взвизгнул Дэн. — Ты в своем уме? Как я мог это подстроить?! Мы же никуда не сворачивали! Кирилл, что это за хрень?!— Я не знаю, — голос Кирилла был глухим и чужим. Он смотрел на свои руки, вцепившиеся в руль, и на костяшках пальцев не было ни кровинки. — Мы ехали прямо. Навигатор показывал, что мы движемся к трассе.— Навигатор! — истерично рассмеялась Ленка. — Ты посмотри на свой гребаный навигатор!

Все взгляды устремились на экран телефона. Синяя точка, обозначающая их машину, пульсировала в самом центре зеленого пятна. Никакой серой линии дороги больше не было. Их местоположение было отмечено просто как точка в пространстве без координат. А в графе «Текущее местоположение» мигала всего одна строка: «Мертвая Вода».

— Мне это не нравится, — прошептала Настя, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота. Каждая деталь поляны была до жути знакомой, но теперь она видела ее по-другому. Тени, отбрасываемые деревьями, казались длинными, хищными пальцами, тянущимися к их машине.— Надо просто развернуться и поехать обратно, — решительно сказал Ан-

тон, но его голосу не хватало уверенности. — Мы просто где-то пропустили поворот в темноте. Ерунда. Кирилл, разворачивайся.

Кирилл, словно в трансе, переключил передачу и начал медленно, неуклюже разворачивать машину на узкой колее. Все молчали. Никому не хотелось выходить наружу. Через пять минут езды по лесу с Дэном, который громко матерился и давал «ценные» указания, они снова выехали на открытое пространство. Это была та же поляна.

На этот раз машина остановилась у самого берега реки. Свет фар выхватил из темноты темную, маслянистую воду, которая почти беззвучно лизала колеса. — Я выйду, — сказал Кирилл, отстегивая ремень. Его лицо было бледным, но решительным. — Надо проверить, что это за место. — Мы с тобой, — тут же сказал Антон. Дэн, сглотнув, кивнул.

Парни вышли из машины, хлопнув дверьми. Настя, Ленка и Вика остались внутри, прижавшись друг к другу. Им было слышно, как ветер завывает в кронах сосен, и этот вой казался издевательским смехом. Настя смотрела на темную стену леса за рекой. Ей вдруг показалось, что среди черных, неподвижных стволов что-то движется. Не человек, нет. Что-то гораздо более высокое, угловатое, неясное. Оно то появлялось, то исчезало, сливаясь с тенями. Она зажмурилась, потрясла головой, а когда открыла глаза — ничего не было. Только лес и ночь.

Дверь резко открылась. Кирилл сел за руль. Он весь дро-

жал, на лбу выступила испарина.— Там это точно наше место. Я нашел окурок Ленки, с ее розовой помадой. И остатки еды в мангале. Мы вернулись туда, откуда уехали час назад.— Что значит «вернулись»? — закричала Ленка. — Так не бывает! Ты просто плохо вел машину!— Лена, заткнись! — рявкнул Антон, садясь на заднее сиденье. Его трясло не меньше. — Мы ехали прямо. По единственной дороге. Но эта дорога привела нас обратно. Это какой-то замкнутый круг.— Может, попробуем еще раз? — робко предложила Вика. — Вдруг в этот раз получится? Надо ехать очень медленно и смотреть на одометр.— Давайте попробуем, — согласился Кирилл. Его голос звучал обреченно.

Они попробовали еще раз. И еще. И еще. Каждый раз они выезжали с поляны, ехали по лесу разное количество времени, и каждый раз, неумолимо и неотвратимо, лес расступался, и свет фар выхватывал из темноты знакомый пейзаж. Это была та же самая поляна, с теми же палатками, с тем же черным пятном кострища.

После пятой попытки Дэн начал бить кулаками по спинке переднего сиденья.— Выпустите меня! — орал он. — Я пешком пойду! Я пойду вдоль берега, я выйду к людям! Это все вы, вы меня сюда затащили!— Успокойся! — Антон пытался его удержать. — Ночью, в лесу, ты никуда не дойдешь. Свалишься в овраг или утонешь в этом болоте.— А что ты предлагаешь?! Сидеть и ждать, пока мы тут все сдохнем?!

Настя слушала их крики, и ужас внутри нее сменялся

странным, ватным оцепенением. Она смотрела в окно на черную воду реки. Ей вдруг вспомнились слова Вики. «Ее называют Мертвая Вода. Она исчезла. Все до единого пропали». И тут она увидела это.

Прямо за полосой прибоя, у самой кромки воды, лежал венок. Сплетенный не из цветов, а из каких-то длинных, темных водорослей и гибких веток. Но самым страшным было то, что в этот венок были вплетены яркие, блестящие предметы. В неверном свете фар она различила синюю заколку-крабик. Точно такую же она потеряла вчера утром, когда расчесывала волосы у реки. Чуть поодаль, в мокрой траве, лежала красно-белая пачка из-под сигарет Ленки, тщательно обмотанная длинной прядью светлых волос.

Она хотела закричать, позвать остальных, но ее горло сжал спазм. Она не могла издать ни звука. Ледяной, животный страх парализовал ее. Она поняла. Это место не просто не отпускало их. Оно их принимало. Оно готовило им какую-то чудовищную, непостижимую встречу. И эти знаки, эти жуткие подношения на берегу были только началом. Ритуалом, в который их втянули помимо воли.

Кирилл заглушил двигатель. В наступившей тишине, звенящей от напряжения, стал отчетливо слышен новый звук. Тихий, доносящийся откуда-то из глубины леса, за палатками. Не плач, не вой, а тихое, монотонное пение. Словно кто-то древний, бестелесный выводил колыбельную на давно мертвом языке.

И этот звук раздавался с каждым мгновением все ближе.

Глава 2. Дыхание мёртвой воды

Тишина, наступившая после того, как Кирилл заглушил двигатель, была оглушительной. Она давила на барабанные перепонки, словно вакуум, образовавшийся после взрыва. Исчезло все: пение, шум ветра, даже привычный ночной стрекот цикад. На несколько секунд мир словно замер, затав дыхание.

А потом тьма ожила. Не та тьма, которую можно разогнать фарами или светом телефона. Это была тьма первобытная, голодная, которая, казалось, поглощала сам свет. Настя, застывшая на пассажирском сиденье, чувствовала, как страх, до этого скручивавший внутренности, сменяется чем-то иным. Липким, апатичным ужасом, который пригвождал к месту, лишал воли, заставлял лишь смотреть широко раскрытыми глазами в непроглядную черноту за окном.

— Зачем ты выключил? — прошептала Ленка, и ее голос, обычно такой резкий и уверенный, звучал жалобно, по-детски. — Включи обратно! Включи свет!

Кирилл не ответил. Он сидел неподвижно, вцепившись в руль, и Настя кожей чувствовала волны напряжения, исходящие от него. Она медленно, словно преодолевая сопротивление воды, протянула руку и коснулась его плеча. Мышцы под ее пальцами были твердыми, как стальные тросы.

— Кир — позвала она.

Он вздрогнул, будто очнувшись от гипноза, и резко повернул ключ зажигания. Стартер заскрежетал, двигатель чихнул, но не завелся. Еще одна попытка, и еще. Тишина.

— Аккумулятор, — выдохнул Антон с заднего сиденья. — Этого еще не хватало.

— Черт, черт, черт! — Дэн начал колотить кулаком по спинке переднего сиденья. — Мы застряли! Мы, мать вашу, застряли в этом проклятом месте! Я же говорил, надо было идти пешком!

— Заткнись, Дэн! — рявкнула Ленка. — Своими истериками ты делу не поможешь.

— А что поможет?! Что?! Сидеть и ждать, пока эта хреновина из леса придет и за нами?!

Слово «хреновина» эхом повисло в воздухе. Все разом замолчали, прислушиваясь. Но пение не возобновилось. Лес молчал, и это молчание было хуже любого звука. Настя пыталась успокоить бешено колотящееся сердце. Ей нужно было мыслить здраво. Паника — их главный враг. Сейчас, больше всего на свете, ей хотелось, чтобы Кирилл обнял ее, сказал, что все будет хорошо, что это просто какая-то ошибка, и они скоро выберутся. Но, взглянув на его профиль в тусклом свете приборной панели, она поняла, что он напуган не меньше остальных. Просто лучше это скрывает.

— Нужно выйти, — сказал Кирилл, и его голос прозвучал на удивление спокойно, хотя и глухо. — Нужно осмотреть машину, понять, что с аккумулятором. Может, клемма ото-

шла.

— Ты с ума сошел? — Вика почти плакала. — Выходить туда?! В темноту?!

— У нас нет выбора. В машине мы как в консервной банке. Если аккумулятор сдох окончательно, мы даже печку не сможем включить. А ночь только началась. Нужно развести костер на поляне, как вчера. По крайней мере, будет тепло и светло.

План был разумным. Единственным возможным планом. Но сама мысль о том, чтобы покинуть хрупкую безопасность автомобиля и шагнуть в эту всепоглощающую тьму, вызывала у Насти приступ тошноты. Она вспомнила венки из водорослей на берегу, заколку-крабик, пачку сигарет с пряжей волос. Эти образы, яркие и жуткие, стояли перед ее внутренним взором.

— Я с тобой, — сказала она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Один ты не пойдешь.

— Я тоже пойду, — Антон хлопнул Дэна по плечу. — Хватит ныть, собирайся. Девушки пусть пока побудут в машине. Запритесь изнутри. Мы быстро. Только глянем, что к чему, и разведем огонь.

Ленка хотела возразить, но Антон ее перебил: — Лен, я серьезно. Посидите тихо. У тебя телефон почти заряжен, включи фонарик, но эконошь батарею.

Три хлопка дверьми прозвучали как приговор. Настя, Ленка и Вика остались втроем в быстро остывающем салоне.

Тишина снова сомкнулась вокруг них, но теперь она была наполнена шорохами. Ветка скребла по крыше, где-то капала вода, тихо потрескивал остывающий металл.

— Настя, мне страшно, — прошептала Вика, прижимаясь к ней сзади. Ее зубы стучали. — Мне тоже, — честно ответила Настя, сжимая ее холодную, влажную ладонь. — Но они разберутся. Кирилл всегда знает, что делать. И Антон с ним.

Она говорила это скорее для себя, чем для подруги. Ленка сидела, отвернувшись к окну, и напряженно всматривалась в темноту. Света ее телефона хватало лишь на то, чтобы выхватить из мрака полосу земли у самой машины. Трава, примятая колесами. И больше ничего.

Снаружи слышались шаги и приглушенные голоса парней. Они отошли к капоту. Настя услышала, как щелкнул замок, а затем — глухой стук поднятой крышки. Секунды тянулись, как расплавленная смола.

— Что они там так долго? — не выдержала Вика. — Почему они молчат?

— Не знаю, — Ленка опустила стекло на пару сантиметров. — Эй! Антон! Что там у вас?

Ответа не последовало. Вообще никакого. Слышно было только, как ветер снова начал завывать в кронах сосен, набирая силу. Этот вой был полон такой леденящей душу тоски, что Настя непроизвольно зажала уши руками. Ей казалось, что в этом вое звучит ее имя. Тихо, почти неразличимо, но оно там было.

— Я пойду посмотрю, — Ленка решительно взялась за ручку двери.— Не надо! — Настя попыталась ее остановить, но та уже выскользнула наружу, хлопнув дверью. — Лена! Черт!

Теперь их осталось двое. Настя и Вика. Время остановилось. Прошла минута, две, три. От парней и Ленки не было ни звука. Только ветер и шум крови в ушах. Ужас, который Настя пыталась подавить, начал прорастать сквозь ее самобладание ядовитыми побегими паники. Что-то случилось. Что-то очень плохое.

— Мы должны пойти за ними, — сказала она, сама ужасаясь своим словам.— Нет! Нет, Настя, пожалуйста! — Вика вцепилась в ее руку мертвой хваткой. — Не оставляй меня одну! Умоляю!— Мы пойдем вместе. Мы не можем просто сидеть и ждать. Вдруг им нужна помощь?

Настя не знала, откуда в ней взялась эта решимость. Каждая клеточка ее тела кричала: «Беги! Прячься!». Но голос разума, или, может быть, что-то другое, более глубинное, заставляло ее действовать. Она не могла бросить Кирилла. Не могла.

Она открыла дверь и ступила в ночь. Холодный, влажный воздух тут же окутал ее, проникая под одежду, заставляя дрожать. Вика, всхлипывая, вышла следом, не отпуская ее руки. Свет от телефона Ленки, который та, видимо, выронила, валялся на земле в нескольких метрах от машины, освещая примятую траву и кусок черного пластика.

— Лена? — тихо позвала Настя. — Антон? Кир?

Тишина. Такая глубокая, что казалось, ее можно потрогать. Они сделали несколько шагов к капоту. Крышка была открыта. Но там никого не было. Вообще никого. Три человека просто исчезли в радиусе десяти метров от машины. Настя почувствовала, как земля уходит у нее из-под ног. Это было невозможно. Это противоречило всем законам физики и логики.

Вика закричала. Пронзительно, дико, на одной ноте. Ее крик разрезал тишину, словно скальпель, и эхом прокатился над рекой. Настя резко обернулась, ожидая увидеть самое страшное. Но за ними никого не было. Только поляна, край леса и черная гладь воды.

— Замолчи! — Настя зажала ей рот ладонью, чувствуя, как Вику колотит крупная дрожь. — Тише! Послушай!

Сквозь стук собственного сердца и завывания ветра она услышала это снова. Пение. Оно доносилось со стороны реки, от самой кромки воды. Мелодия была другой, не такой, как прежде. Она была манящей. Она обещала покой, тепло, избавление от страха. Она звала.

Ноги сами понесли Настю на звук. Вика, словно в трансе, шла рядом, больше не крича и не плача. Вдвоем, держась за руки, они медленно пересекли поляну и подошли к берегу. Вчера это место было таким уютным и солнечным. Сейчас же оно источало первобытный ужас. Вода в реке была абсолютно черной и неподвижной, как обсидиан. Она не отража-

ла ни звезд, ни лунного света, который с трудом пробивался сквозь рваные тучи. Она была мертвой.

И у самой кромки воды, коленями в мокрой траве, стояли на коленях Кирилл, Антон и Ленка. Они стояли спиной к ним, плечом к плечу, и смотрели на воду. Их позы были неестественно прямыми, застывшими.

— Кир! — выкрикнула Настя, бросаясь к нему. Она схватила его за плечо и с силой дернула, пытаясь развернуть к себе.

Он поддался не сразу, словно его тело одеревенело. Но когда он повернулся, Настя отшатнулась, едва не закричав. Его глаза были открыты, но они ничего не выражали. Зрачки были расширены настолько, что почти полностью поглотили радужку, превратив глаза в два черных, бездонных колодца. Лицо было бледным, как мел, а по щекам, из этих черных глаз, текли слезы. Он не видел ее. Он смотрел сквозь нее, в какую-то точку за горизонтом.

— Кирилл, что с тобой?! Очнись! — она трясла его за плечи, била по щекам, но он не реагировал. Антон и Ленка были в таком же состоянии. Они стояли, как безвольные куклы, и беззвучно плакали, глядя на воду.

И тут Настя увидела то, что видела она. То, что лежало у самой кромки воды, почти касаясь их коленей. Это был уже не один венок. Их было три. Три венка, сплетенных из водорослей и гибких ивовых прутьев. В первый, тот, что лежал напротив Кирилла, были вплетены его часы, которые она по-

дарила ему на день рождения. Она узнала кожаный ремешок. Во второй, напротив Антона, была его любимая зажигалка Zippo с выгравированным орлом. В третий, для Ленки, — серебряная сережка в виде звездочки, вторая из пары, которую она потеряла месяц назад.

Это были не просто вещи. Это были подношения. Метки. И они были предназначены каждому из них.

Настя почувствовала, как ледяная рука страха сжимает ее сердце. Она поняла, что должна немедленно увести их отсюда. Оторвать от созерцания этой проклятой воды. Она схватила Кирилла за руку и с силой дернула в сторону от берега. Он, споткнувшись, сделал неуклюжий шаг, но не упал. Она продолжала тащить его, Вика пыталась сделать то же самое с Антоном и Ленкой, но те были словно каменные.

— Помоги мне! — кричала Настя Вике. — Тащи их!

С нечеловеческим усилием, рожденным отчаянием, им удалось оттащить всех троих на несколько метров от воды. И как только их колени перестали касаться мокрой травы береговой линии, наваждение спало. Кирилл дернулся всем телом, закашлялся, хватая ртом воздух, словно вынырнул с большой глубины. Его глаза, все еще черные от расширенных зрачков, обрели осмысленное выражение. Он посмотрел на Настю так, будто увидел впервые.

— Настя? — его голос был хриплым, срывающимся. — Что что произошло? Мне снилось что-то ужасное. Оно звало меня. Оно знало мое имя.

Антон и Ленка тоже пришли в себя. Ленка, как только осознала, где находится, разрыдалась в голос, уткнувшись в плечо Антону. Тот, бледный и трясущийся, молча гладил ее по голове, бессмысленно глядя в темноту.

— Там, в воде — прошептал Кирилл, все еще не в силах отвести взгляд от реки. — Там кто-то есть. Я видел лицо. Оно было прекрасно и ужасно одновременно. Оно звало меня по имени. Обещало все.

— Не смотри туда! — Настя с силой развернула его лицо к себе. — Не смотри на воду! Никто из вас не должен к ней подходить!

В этот момент из леса, оттуда, где стояли их палатки, раздался громкий, душераздирающий треск. Такой звук, словно огромное, сильное животное ломилось сквозь подлесок, круша все на своем пути. Все шестеро инстинктивно пригнулись, сбившись в кучу. Страх, только что начавший отпускать, вспыхнул с новой, утроенной силой.

Треск приближался. Земля под ногами начала мелко вибрировать. А потом наступила тишина. Гнетущая, выжидающая. И из этой тишины, с опушки леса, прямо на их палатки, начало надвигаться нечто. Оно было выше самых высоких сосен, но при этом казалось сотканным из той же первобытной тьмы, что окутала поляну. У него не было четких очертаний, оно было похоже на сгусток черного дыма или ожившую тень, которая поглощала свет звезд. От него веяло таким холодом и такой древней, непостижимой злобой, что у Насти

перехватило дыхание. Она не могла пошевелиться. Никто из них не мог. Они просто стояли и смотрели, как эта исполинская тень медленно, с каким-то жутким, потусторонним достоинством, проплывает над их лагерем, не касаясь земли. Оно двигалось к реке.

Оно двигалось к ним.

Но в нескольких метрах от берега тень остановилась. Настя чувствовала этот взгляд. Тысячи невидимых глаз смотрели на них из этого сгустка тьмы. Оценивали. Изучали. А затем, так же внезапно, как и появилась, тень схлынула, втянулась обратно в лес, оставив после себя лишь обжигающий холод и запах гнили.

Ноги подкосились, и Настя рухнула на колени в мокрую траву. Рядом с ней, тяжело дыша и матерясь сквозь зубы, опустился Кирилл. Остальные были не в лучшем состоянии. Вика тихо икала, Ленка больше не плакала, а застыла с широко раскрытыми, пустыми глазами.

— Нужно уходить, — прохрипел Антон, с трудом вставая на ноги. — Нужно уходить отсюда прямо сейчас. Пешком. Вдоль реки. Как угодно.

— Нет, — Кирилл покачал головой. В его голосе появилась сталь. — В такую темень мы далеко не уйдем. У нас нет фонарей, кроме телефонов, которые скоро сядут. Мы не знаем местности. Мы просто заблудимся в этом проклятом лесу, и эта тварь переловит нас поодиночке.

— И что ты предлагаешь?! — взвился Дэн. — Сидеть и

ждать утра, пока она не передумает и не сожрет нас?!

— Я предлагаю развести огонь, — твердо сказал Кирилл.
— Самый большой, какой мы только сможем. Огонь — это свет и тепло. Может быть, эта тварь боится огня. По крайней мере, у нас будет защищенный лагерь. Мы будем нести вахту по двое. С пистолетом.

— С каким еще пистолетом? — вытаращилась Ленка.

Кирилл, не говоря ни слова, подошел к машине и, порывшись в бардачке, извлек на свет небольшой травматический пистолет. Это была его «игрушка», которую он всегда возил с собой, несмотря на ворчание Насти. Сейчас она была готова его расцеловать за это.

— Это не убьет такую тварь, — сказал он, проверяя обойму, — но, возможно, отпугнет. Или заставит задуматься. Дэн, Антон, за мной. Нужно собрать весь хворост, какой найдем на краю поляны. Далеко в лес не соваться. Девушки, вы остаетесь здесь. Разберите палатки, они нам понадобятся. И ни на шаг не отходите от этого места.

В голосе Кирилла звенел металл приказа. Страх отступил, уступив место холодной, расчетливой ярости. Настя смотрела на него и не узнавала. Это был не тот парень, что вчера нежно целовал ее у костра. Это был воин, готовый до последнего защищать свою стаю.

Пока парни, подсвечивая себе телефонами, собирали сухие ветки на границе леса, девушки дрожащими руками пытались привести лагерь в порядок. Палатки чудом устояли,

хотя одна из растяжек была вырвана «с мясом». Спальники были влажными от ночной сырости. Кострище, их вчерашний алтарь веселья, сейчас выглядело черной, зияющей раной на теле земли.

— Как ты думаешь, что это было? — спросила Вика, кутаясь в плед. Ее голос был тихим и безжизненным. — Призрак? Демон?

— Я не знаю, — ответила Настя, пытаясь раздуть угли в мангале, чтобы поджечь бересту. — И, честно говоря, мне плевать. Главное — пережить эту ночь. А утром мы уйдем.

— Если оно нас отпустит, — прошептала Ленка.

Настя не нашлась, что на это ответить. Потому что в глубине души она уже начала сомневаться, что это место вообще подчиняется законам, по которым можно просто «взять и уйти». Оно играло с ними. Как кошка с полузадушенной мышью. И это осознание было самым страшным.

Через полчаса на поляне пылал огромный костер. Языки пламени вздымались на высоту человеческого роста, с ревом и треском пожирая сырые ветки. Жар был таким сильным, что к огню невозможно было подойти ближе, чем на два метра. Но этот жар, этот яркий, живой свет, разогнали липкий холод и кромешную тьму. В круге, очерченном светом костра, снова воцарилось некое подобие безопасности. Иллюзорное, хрупкое, но все же.

Они расселись вокруг огня на бревнах, которые вчера использовали как скамейки. Кирилл держал пистолет на коле-

нях. Антон сжимал в руке туристический топорик. Дэн нервно курил, затягиваясь глубоко и часто. Вика дремала, привалившись к его плечу, но каждый шорох заставлял ее вздрагивать.

Настя сидела, прижавшись к Кириллу. Его рука крепко обнимала ее за плечи. Она чувствовала его тепло, его запах, смешанный с запахом дыма, и это было единственное, что удерживало ее на грани истерики.

— Кто-нибудь хочет есть? — спросил Антон без особой надежды в голосе. Все отрицательно покачали головами. Кусок в горло не лез.

— Надо попробовать уснуть по очереди, — сказал Кирилл. — Нам нужны будут силы завтра. Первыми дежурят Антон и Лена. Через два часа меняемся.

Никто не спорил. Настя закрыла глаза, уткнувшись носом в плечо Кирилла. Сон не шел. В голове крутились обрывки событий: черные глаза Кирилла, венок из волос, исполинская тень, скользящая над лагерем. И среди этого хаоса ужаса, как странный, неуместный росток, пробивалось другое чувство. Глядя на Кирилла, на то, как он взял на себя ответственность, как он собран и решителен, она чувствовала не просто любовь. Это было что-то почти животное, инстинктивное желание быть еще ближе, стать с ним единым целым, чтобы никакая тьма не смогла их разлучить. Она чувствовала, как желание, рожденное не страстью, а отчаянием и жадной жизни, разливается по телу теплой волной, заглушая ле-

дяной ужас. В этом аду он был ее единственным якорем, ее светом. И она знала, что нужна ему так же сильно.

Она подняла голову и встретила с ним взглядом. В его карих глазах плясали отблески костра. В них больше не было страха. Только решимость и та же, ответная, всепоглощающая потребность в ней. Он наклонился и коснулся губами ее лба. Это было не обещание поцелуя. Это была клятва.

— Я не дам тебя в обиду, — прошептал он так тихо, что слышала только она. — Никому. Ничему. Мы выберемся.

И в этот момент, несмотря на адскую дрожь земли под ногами и ужас, притаившийся в темноте, она ему поверила. Потому что у нее не было другого выхода. Их любовь, такая юная и светлая еще несколько часов назад, теперь закалялась в горниле кошмара, превращаясь в оружие. И она еще не знала, что именно эта связь, этот их общий свет, и станет той приманкой, на которую клонет древнее зло Мертвой Воды.

Тьма за кругом света сгустилась. Из леса снова донесся тот самый звук — тихая, убаюкивающая колыбельная. Но теперь она не манила. Она предупреждала. Она обещала, что кошмар только начинается. И что к рассвету их станет меньше.

Глава 3. Голоса в пламени

Костер гудел, пожирая сухие ветки, которые Антон и Дэн продолжали подтаскивать с опушки леса. Пламя жадно взлизывало древесину, выбрасывая в ночное небо снопы оранжевых искр, которые гасли, не долетая до верхушек сосен. Настя сидела на старом, почерневшем от времени и сырости бревне, закутавшись в плед, который Кирилл предусмотрительно достал из багажника. Плед пах бензином и пылью, но это был запах цивилизации, запах безопасности, и она цеплялась за него, как утопающий за соломинку.

Прошло около часа с тех пор, как гигантская тень схлынула обратно в лес. Час, наполненный тишиной, которая была страшнее любого звука. Все шестеро сидели вокруг огня, словно первобытные люди, загнанные в круг света безжалостным ледником. Говорили мало, короткими, рублеными фразами. Словно боялись, что громкий голос снова привлечет внимание той твари, что наблюдала за ними из чащи.

— Сколько сейчас времени? — спросила Вика, не поднимая головы с плеча Дэна. Ее голос был сиплым, простуженным, хотя простудиться за одну ночь было невозможно.

Антон вытащил телефон, подсветил экран. Свет больно резанул по глазам, привыкшим к оранжевым отблескам пламени. — Половина четвертого, — ответил он, и в его голосе слышалось глухое отчаяние. — До рассвета еще часа три, не

меньше.

— Три часа, — повторила Ленка, затягиваясь сигаретой. Она курила одну за другой, и Настя заметила, что пачка почти пуста. — Мы тут с ума сойдем за три часа.

— Не сойдем, — твердо сказал Кирилл. Он сидел прямо, положив травматический пистолет на колени, и его взгляд постоянно сканировал периметр освещенного круга. — Мы будем меняться. Антон, Лена, вы дежурили первые. Теперь наша с Настей очередь. Идите в палатку, попробуйте поспать.

— В палатку? — Вика нервно хихикнула. — Ты шутишь? Я туда не пойду. Мы все должны оставаться здесь, вместе.

— Вика права, — поддержал ее Дэн. — Мы не будем разделяться. Хватит с нас этих фильмов ужасов, где все поодиночке разбредаются, а потом их находят по частям.

Никто не стал спорить. Сама мысль о том, чтобы покинуть круг света и забраться в темную палатку, казалась кошмарной. Они просто подвинулись, освобождая место Антону и Ленке поближе к огню. Настя пересела на другое бревно, и Кирилл тут же занял место рядом с ней, касаясь ее бедра своим. Это прикосновение было якорем, точкой опоры в расползающемся мире.

— Расскажи мне что-нибудь, — попросила она тихо, чтобы слышал только он. — Что угодно. Просто говори. Мне нужно слышать твой голос.

Кирилл немного помолчал, собираясь с мыслями, а затем

начал рассказывать. Он говорил о своем детстве, о том, как каждое лето ездил с отцом на рыбалку в Карелию, о том, как однажды они попали в шторм на озере, и его отец, спокойный и уверенный, сказал ему тогда: «Сынок, страх — это нормально. Страх — это инстинкт, который говорит тебе, что ты еще жив. Но нельзя давать страху управлять тобой. Ты должен управлять им».

— Хороший совет, — прошептала Настя, чувствуя, как от его монотонного, спокойного голоса веки начинают тяжелесть. — Твой отец мудрый человек.

— Был, — поправил Кирилл, и в его голосе мелькнула старая, затянувшаяся боль. — Он умер три года назад. Сердце.

— Прости, я не знала

— Ты не могла знать. Я не люблю об этом говорить.

Она сжала его руку, чувствуя, как его пальцы, холодные и твердые, отвечают на пожатие. В этот момент она поняла, что знает о нем до обидного мало. Полгода встреч, свиданий в кино и кафе, вечеринок с друзьями — все это было лишь верхушкой айсберга. Настоящая глубина открывалась только сейчас, в этой экстремальной, немыслимой ситуации.

— Расскажи еще, — попросила она.

И он рассказывал. О своей матери, которая после смерти отца замкнулась в себе и до сих пор живет в их старой квартире, окруженная фотографиями и воспоминаниями. О своей младшей сестре, которая уехала учиться в Питер и при-

сылает открытки на каждый праздник. О своей мечте стать архитектором и строить дома, которые переживут своих создателей.

Настя слушала, и постепенно ее собственный страх отступал на второй план, уступая место жгучему, почти болезненному чувству близости. Ей хотелось узнать о нем все, впитать каждую деталь, каждую мелочь. Словно, узнавая его, она могла защитить его от того ужаса, что окружал их со всех сторон.

— А ты? — спросил он, закончив свой рассказ. — Расскажи мне о себе. Что-то, чего я не знаю.

Она задумалась. Что она могла ему рассказать? О своем страхе перед будущим? О постоянном давлении родителей, которые хотели, чтобы она стала юристом, а не иллюстратором, как она мечтала? О своих панических атаках, которые начались после того, как два года назад она попала в небольшую аварию?

— Я боюсь замкнутых пространств, — призналась она. — Глупо, да? Но когда мы сегодня когда мы кружили по лесу и возвращались на одно и то же место, мне казалось, что мир схлопывается вокруг меня. Как коробка, из которой нет выхода.— Это не глупо, — серьезно ответил он. — У каждого есть свои страхи. Главное — не давать им победить.

Он обнял ее крепче, и она прижалась к нему всем телом, чувствуя, как его тепло проникает сквозь одежду, согревая ее продрогшие кости. В этот момент, несмотря ни на что, она

чувствовала себя в безопасности. Абсолютной, первобытной безопасности, которую может дать только близость любимого человека.

Где-то в глубине леса снова заухала сова. Но этот звук, такой обычный и даже уютный в нормальной ситуации, сейчас показался Насте зловещим предзнаменованием. Она вздрогнула и подняла голову, всматриваясь в темноту.

— Что там? — спросил Кирилл, заметив ее движение.

— Не знаю. Мне показалось

Она не договорила. Потому что в этот момент пламя костра резко, неестественно взметнулось вверх, словно кто-то плеснул в него бензином. Все шестеро отшатнулись, закрывая лица руками от нестерпимого жара. А затем, так же внезапно, пламя опало, и в его сердцевине, среди пылающих углей, начало проявляться лицо.

Это было не галлюцинация. Его видели все. Лицо, сотканное из огня и дыма, но при этом пугающе четкое, детализированное. Это было лицо молодой женщины, прекрасное и ужасное одновременно. Длинные, струящиеся волосы, казалось, были продолжением языков пламени. Глаза, огромные и бездонные, горели алым, потусторонним светом. А губы, изогнутые в печальной, всезнающей улыбке, шевелились, произнося слова, которые звучали прямо в головах у всех присутствующих.

— Вы пришли в мой дом, дети мои. Вы ели мою пищу, пили мою воду, дышали моим воздухом. Теперь вы принад-

лежите мне.

Голос был женским, глубоким и мелодичным, но в нем слышался отзвук чего-то древнего, хтонического. Так могла бы говорить сама земля, если бы умела говорить.

Вика закричала. Пронзительно, дико, зажимая уши руками. Дэн попытался заслонить ее собой, но его самого трясло так, что зубы выбивали дробь. Антон и Ленка застыли, словно кролики перед удавом, не в силах отвести взгляд от пылающего лица. Кирилл вскочил на ноги, направив пистолет на костер.

— Кто ты?! — крикнул он, и его голос дрогнул, несмотря на всю его решимость.

Лицо в огне медленно, величественно повернулось к нему. Улыбка стала шире, обнажив ряды острых, как иглы, зубов.

— У меня много имен, мальчик. Те, кто жил здесь раньше, звали меня Хозяйкой. Те, кто боялся, звали меня Пожирательницей. Но ты можешь звать меня так, как тебе удобнее. Это не имеет значения. Имена — всего лишь слова, а слова — всего лишь ветер.

— Чего ты хочешь?! — снова крикнул Кирилл, взводя курок.

— Я хочу, чтобы вы остались, — ответила Хозяйка, и в ее голосе прозвучала странная, почти материнская нежность. — Вы такие юные, такие полные жизни. Ваш страх так сладок, ваша любовь так горяча. Я так давно не пробовала на-

стоящей любви.

Настя почувствовала, как при этих словах ледяная рука сжимает ее внутренности. Эта тварь говорила о любви. Об их с Кириллом любви. И в ее голосе слышался голод. Не физический, нет. Голод духовный, вампирический. Голод существования, которое питается эмоциями.

— Ты не получишь их! — выкрикнула Настя, сама не ожидая от себя такой смелости. Она встала рядом с Кириллом, плечом к плечу. — Ты не получишь никого из нас!

Лицо в огне обратило свой пылающий взор на нее. Настя почувствовала, как невыносимый жар пронизывает ее насквозь, словно тысячи раскаленных игл вонзаются в каждую клеточку тела. Она закричала от боли, но не отвела взгляда.

— Ты сильная, маленькая, — прошелестел голос в ее голове. — Я это чувствую. Твоя любовь — как маяк в темноте. Я видела ее, когда вы были здесь вчера. Я видела вас у реки, видела вас в палатке. Ваша страсть разбудила меня от долгого сна. За это я должна быть вам благодарна.

— Пошла вон! — заорал Дэн, швыряя в костер увесистый камень. Камень пролетел сквозь лицо, не причинив ему вреда, и упал где-то в темноте за костром.

Лицо рассмеялось. Это был жуткий, переливчатый смех, похожий на звон тысячи разбитых зеркал.

— Дерзкий мальчик. Ты мне нравишься. Из тебя выйдет отличный шут. Я люблю шутов. Они так забавно кричат, когда понимают, что все их шутки — это лишь попытка скрыть

свой страх.

— Чего ты хочешь? — повторил Кирилл, и теперь его голос звучал спокойнее, хотя рука, сжимающая пистолет, побелела от напряжения. — Конкретно. Зачем ты нас здесь держишь? Зачем не даешь уехать?

Хозяйка вздохнула, и этот вздох был похож на шум ветра в кронах деревьев.

— Вы не можете уехать, потому что вы уже вошли в круг. Мой круг. Эта земля, эта вода, этот лес — все это часть меня. А теперь и вы — часть меня. Вы будете здесь так долго, как я пожелаю. Вы будете играть со мной в игры, которые я придумаю. Вы будете смеяться, плакать, бояться и любить — для меня. А когда вы мне надоедите

Она не договорила, но окончание фразы повисло в воздухе, тяжелое и неотвратимое, как топор палача.

— Мы не будем играть в твои игры, — процедил Кирилл сквозь зубы.

— О, будете, — улыбнулась Хозяйка. — У вас нет выбора. Смотрите.

И в этот момент пламя костра погасло. Мгновенно, словно кто-то щелкнул выключателем. Кромешная тьма окутала поляну, и только алые угли пульсировали в центре кострища, словно бьющееся сердце. А потом угли начали двигаться. Они поползли в стороны, образуя линии, фигуры, буквы. И через несколько секунд на земле, прямо в кострище, огненными письменами загорелась надпись:

«ПЕРВАЯ ИГРА: ПРАВДА ИЛИ ЛОЖЬ. ПРОИГРАВШИЙ УМРЕТ НА РАССВЕТЕ».

Настя прочитала эти слова, и мир вокруг нее покачнулся. Игра. Эта тварь хотела играть с ними. Как с игрушками. Как с марионетками. И цена за проигрыш была предельно ясна.

— Что это значит? — прошептала Ленка, вглядываясь в огненные буквы. — Что за «Правда или Ложь»?

— Это значит, что она будет задавать нам вопросы, — глухо ответил Антон. — Как в той детской игре. Только ставки здесь другие.

— Но мы можем не играть! — воскликнул Дэн. — Мы можем просто не отвечать!

— Можете, — прошелестел голос Хозяйки из темноты. — Тогда проиграют все. И я выберу того, кто умрет, сама. Это тоже вариант. Я люблю сюрпризы.

Над поляной повисла гнетущая тишина. Каждый обдумывал слова Хозяйки. Отказаться играть — значило обречь на смерть одного из них, возможно, случайного. Согласиться — вступить в дьявольскую игру, правил которой они не знали.

— Мы согласны, — вдруг сказала Настя, и ее голос прозвучал неожиданно твердо.

Все обернулись к ней. Кирилл смотрел с тревогой, остальные — с удивлением и надеждой.

— Настя, ты что — начал было Кирилл.

— Мы согласны, — повторила она, глядя прямо в темноту, туда, откуда доносился голос. — Но у нас есть условие.

Ты не будешь вмешиваться в игру. Ты будешь только задавать вопросы и судить. Честно. Без своих штучек.

— Дерзкая девочка ставит условия Хозяйке? — в голосе звучала насмешка, но также и нотка уважения. — Это забавно. Хорошо. Я согласна. Я буду честным судьей. Но и вы будете играть честно. Ложь, которую я распознаю, будет стоить жизни. Правда, которая мне не понравится — тоже. Но правда, которая меня удивит

Она сделала паузу, и угли под ногами вспыхнули ярче.

— Правда, которая меня удивит, принесет вам ключ.

— Какой еще ключ? — спросил Антон.

— Ключ от дороги, — ответила Хозяйка. — Если выиграете — я покажу вам выход из моего леса. Настоящий выход. Слово Хозяйки нерушимо.

В этот момент над лесом, на востоке, небо начало светлеть. Первые, робкие лучи солнца прорезали свинцовые тучи, окрашивая верхушки сосен в бледно-розовый цвет. Рассвет приближался. Время пошло.

— Я приду, когда солнце коснется верхушек деревьев, — сказала Хозяйка. — Готовьтесь. И помните: я всегда знаю, когда вы лжете.

Голос стих, и поляна снова погрузилась в тишину. Только теперь это была тишина ожидания. Тяжелая, вязкая, наполненная страхом и надеждой.

— Что ты наделала? — прошипела Ленка, хватая Настю за руку. — Ты согласилась на ее условия! Ты втянула нас в

это!

— А какие у нас были варианты? — спокойно ответила Настя, высвобождая руку. — Сидеть и ждать, пока она убьет нас всех? Это был единственный шанс. Шанс выжить и выбраться отсюда.

— Она права, — поддержал ее Кирилл. — Если есть хоть малейшая возможность переиграть эту тварь, мы должны ею воспользоваться. Мы должны держаться вместе и думать.

— Думать о чем? — истерично хохотнул Дэн. — О том, кто из нас лучший лжец? Может, проголосуем? Кто тут у нас самый скользкий тип?

— Заткнись, — оборвал его Антон. — Твои шуточки сейчас не к месту. Нам нужно выработать стратегию.

— Стратегию? — Вика подняла заплаканное лицо. — Против древней лесной ведьмы, которая читает мысли и питается эмоциями? Антон, какая, к черту, стратегия?!

— Например, мы можем договориться говорить только правду, — предложила Ленка. — Тогда она не сможет нас наказать за ложь.

— Но она может наказать за правду, которая ей не понравится, — возразил Кирилл. — Ты слышала ее условия. Правда, которая ее удивит, принесет ключ. Правда, которая не понравится — смерть. Это игра на выживание, а не на честность.

— То есть нам нужно ее удивлять, но не злить? — уточнила Настя. — Какой-то абсурд.

— Абсурд — это наша новая реальность, — мрачно ре-
зюмировал Антон.

Пока они спорили, небо на востоке становилось все свет-
лее. Золотые лучи солнца, пробиваясь сквозь облака, мед-
ленно, неотвратно ползли вниз по стволам сосен. Време-
ни оставалось все меньше. Настя чувствовала, как внутри
нее нарастает напряжение. Холодное, липкое, оно сковывало
мысли, мешало сосредоточиться. Ей нужно было собраться.
Ей нужно было быть сильной. Ради Кирилла. Ради друзей.
Ради себя.

Кирилл подошел к ней и взял за руки. Его ладони были
теплыми и сухими, и это прикосновение снова вернуло ее к
реальности.

— Послушай меня, — сказал он тихо, чтобы слышала
только она. — Чтобы ни случилось, чтобы она ни спросила
— не геройствуй. Не пытайся обмануть ее в одиночку. Мы
справимся вместе. Договорились?

— Договорились, — прошептала она, глядя в его глаза. В
них отражался страх, но также и решимость. И любовь. Та
самая любовь, которую Хозяйка назвала «маяком в темно-
те».

— Я люблю тебя, — сказала Настя. — Чтобы ни случи-
лось, помни это.

— Я тоже тебя люблю, — ответил он и поцеловал ее. Быст-
ро, но крепко, словно ставя печать на их договоре.

В этот момент первый луч солнца коснулся верхушек со-

сен, и по поляне пронесся порыв ледяного ветра. Костер, который почти погас, вспыхнул с новой силой, и в его пламени снова начало проявляться лицо Хозяйки.

— Время пришло, дети мои, — пропела она. — Давайте начнем. Кто хочет быть первым?

Шестеро друзей переглянулись. Никто не хотел. Но каждый знал, что выбора нет. Игра началась.

— Я буду первым, — вызвался Антон, выходя вперед. Его лицо было бледным, но решительным.

— Храбрый мальчик, — улыбнулась Хозяйка. — Тогда слушай свой вопрос. Скажи мне, Антон что ты на самом деле чувствуешь к девушке, которая стоит рядом с тобой? Это правда — любовь? Или ложь — удобство?

Все замерли. Антон побледнел еще больше и бросил быстрый, испуганный взгляд на Ленку.

Игра началась. И первый же вопрос грозил разрушить все, что они строили годами.

Глава 4. Испытание первое. Прада или ложь

Слова Хозяйки всё ещё висели в воздухе, тяжёлые и липкие, как предгрозовая духота. Антон стоял у самого костра, и пламя бросало на его лицо пляшущие, искажённые тени, отчего он сам казался неживым, вырезанным из дерева идолом какого-то забытого бога. Вопрос, заданный существом из огня, был прост и чудовищен одновременно. Он бил не в бровь, а в глаз. В самое сердце их отношений.

Ленка стояла в двух шагах позади него, скрестив руки на груди. Её лицо, обычно такое живое и дерзкое, сейчас напоминало гипсовую маску. Только глаза горели, и в них смешались воедино страх, надежда и предчувствие катастрофы. Настя видела, как побелели костяшки пальцев подруги, вцепившейся в собственные плечи.

— Антон, — голос Ленки прозвучал хрипло, надтреснуто.
— Что она несёт? Какое ещё «удобство»?

— Тише, — одёрнул её Кирилл. — Не мешай ему. Это его ответ.

Антон перевёл взгляд с Ленки на пылающее лицо в костре, и на его лбу выступила испарина. Капли пота катились по вискам, смешиваясь с грязью и сажей. Он открыл рот, но не смог выдать ни звука. Хозяйка ждала, и её улыбка ста-

новилась всё шире, всё зубастее. Ей нравилось это замешательство.

— Ты можешь соврать, мальчик, — прошелестела она. — Попробуй. Я люблю, когда мне врут. Это так забавно. Особенно когда ложь такая сладкая, такая отчаянная. Но помни. Я узнаю. И тогда восход солнца ты встретишь уже не здесь.

— Я — голос Антона сорвался. Он прокашлялся и начал снова. — Я не знаю, что тебе ответить. Это сложный вопрос.

— Сложный? — Хозяйка рассмеялась, и от её смеха пламя костра взметнулось выше. — Нет ничего проще! Ты либо любишь её, либо нет. Либо она — огонь в твоём сердце, либо просто тёплое тело рядом. Что из этого правда, Антон? Поведай нам.

Настя переглянулась с Кириллом. В его глазах она прочитала ту же тревогу, что сжимала её собственное сердце. Если Антон скажет правду, и эта правда окажется жестокой, Ленка этого не переживёт. Если соврёт — умрёт. Хозяйка загнала их в ловушку, из которой не было хорошего выхода.

— Я забочусь о ней, — наконец выдавил Антон, глядя не на Хозяйку, а на Ленку. — Я всегда о ней заботился. С первого курса, когда мы только встретились. Она была такая яркая. Такая громкая. Она ворвалась в мою жизнь, как ураган, и перевернула всё вверх дном.

— Это не ответ! — прошипела Хозяйка, и в её голосе впервые прозвучали нотки раздражения. — Ты говоришь о заботе, о привычке. Но я спросила не об этом. Я спросила:

ты любишь её?

Антон замолчал. Тишина над поляной сгустилась до звона в ушах. Слышно было только, как потрескивают дрова в костре да где-то вдалеке, на реке, плеснула рыба. Настя затаила дыхание. Она видела, как дрожат губы Ленки, как она вот-вот готова расплакаться или закричать, но держится из последних сил.

— Нет, — сказал Антон.

Это слово упало, как топор палача. Ленка не закричала. Она просто застыла, и её глаза, ещё секунду назад полные надежды, погасли, превратились в два тусклых, безжизненных осколка стекла. Антон повернулся к ней, и теперь он говорил быстро, сбивчиво, словно пытаясь оправдаться:

— Лена, послушай я не это имел в виду. Точнее, это, но не совсем. Я не знаю, что такое любовь, понимаешь? Я думал, что люблю тебя, когда мы начинали. Мне казалось, что это оно и есть. Но прошло два года, и я уже не уверен. Ты мне дорога, очень дорога. Ты мой самый близкий человек. Но того огня, что был вначале, его больше нет. И я не могу сказать, что люблю тебя так, как любят в кино или в книгах. Это было бы неправдой.

— Это и есть неправда, — прошептала Ленка, и её голос был наполнен такой болью, что Настя физически её ощутила. Как нож в сердце. — Ты просто трус. Ты не можешь сказать это ей в лицо, потому что боишься.

— Кому — ей? — не понял Антон.

— Мне! — выкрикнула Ленка, и слёзы наконец брызнули из её глаз. — Два года, Антон! Два года я трахалась с тобой, готовила тебе ужины, терпела твоих друзей, твою работу, твоё вечное нытьё! И всё это время я думала, что у нас всё серьёзно! Что мы — пара! А теперь ты говоришь, что это было просто «удобно»?

— Я не говорил «удобно»! — заорал Антон в ответ. — Это она сказала! Я сказал «забочусь»! Это разные вещи! Ты передёргиваешь!

— Хватит! — рявкнул Кирилл, вставая между ними. — Вы что, не видите, что она этого и добивается? Она сравливает нас, как бойцовых петухов! Антон, ты ответил на вопрос. Теперь отойди от костра.

Но Хозяйка уже хохотала. Её смех разносился над поляной, отражаясь от стен леса многократным эхом, от которого закладывало уши.

— Какая прелесть! — воскликнула она, отсмеявшись. — Какая восхитительная, горькая, человеческая драма! «Я забочусь о тебе». «Ты меня не любишь». Это лучшее, что я слышала за последние сто лет! Можете считать, что первый раунд окончен. Ты сказал правду, Антон. Горькую, некрасивую, но правду. А правда, даже самая уродливая, всегда прекрасна на вкус.

— Тогда он в безопасности? — спросила Настя. — Ты его отпускаешь?

— Отпускаю? — Хозяйка изобразила удивление. — Я ни-

кого не держу, маленькая. Вы все свободны. Но его жизнь, на данный момент, вне опасности. Он ответил честно, и я принимаю его ответ. Но это только начало. Осталось ещё пять вопросов. По одному на каждого из вас.

— Шесть? — переспросил Дэн. — Но нас шестеро! Ты же сказала «проигравший умрёт на рассвете». Если вопросов по одному на каждого, кто тогда проигрывает?

— А это и есть часть игры, — улыбнулась Хозяйка. — Я задаю вопрос. Вы отвечаете. Если ответ меня устраивает — вы живы. Если нет — вы проиграли. Но проиграть может каждый. Или никто. Или все. В этом и прелесть. Вы не знаете правил до конца, и от этого ваша тревога такая вкусная.

С этими словами лицо в пламени начало таять, расплываться, пока не исчезло совсем, оставив после себя обычный костёр, весело потрескивающий сухими ветками. Солнце уже поднялось над лесом, и его лучи, пробиваясь сквозь кроны сосен, рисовали на земле длинные, причудливые тени. Кошмарная ночь закончилась. Но игра — только началась.

Как только присутствие Хозяйки перестало ощущаться, Ленка развернулась и быстрым шагом направилась прочь от костра. Антон бросился за ней.

— Лена! Лена, подожди! Да поговори со мной! Ты не так всё поняло!

— Не прикасайся ко мне! — закричала она, отдёргивая руку. — Я не хочу тебя видеть! Ты ты два года мне врал!

— Я не врал! Я просто не говорил всей правды! Это же разные вещи!

— Разные? — она резко остановилась и обернулась. Её заплаканное лицо исказилось гримасой злости и боли. — Ты пользовался мной, Антон! Ты трахал меня, потому что это было удобно! Потому что я была рядом, доступная и, как ты думал, безотказная!

— Это неправда! — он схватил её за плечи. — Ты мне правда дорога! Ты самый важный человек в моей жизни! Просто я не могу назвать это любовью, потому что не знаю, что это такое! Может, это она и есть, а я просто дурак, который не понимает!

Ленка вырвалась из его хватки. На мгновение она замерла, глядя ему в глаза, и Насте показалось, что она сейчас ударит его. Но вместо этого Ленка просто покачала головой.

— Знаешь, что самое обидное? — сказала она уже тише, почти шёпотом. — Я бы предпочла, чтобы ты соврал. Чтобы ты посмотрел мне в глаза и сказал: «Я люблю тебя». Даже зная, что это ложь. Я бы поверила. А теперь теперь у нас ничего не осталось. Ничего. Она повернулась и ушла к палаткам. Антон остался стоять, опустив руки, и вид у него был совершенно потерянный.

Настя смотрела на эту сцену, и сердце её сжималось от боли за подругу. Но где-то в глубине души шевелилось и другое чувство — холодное, липкое, эгоистичное облегчение. «Слава Богу, что это не мы. Слава Богу, что вопрос зада-

ли не нам с Кириллом». Она тут же устыдилась этой мысли. Это было низко, недостойно. Но страх за свою любовь, за их только-только зародившуюся, хрупкую связь, был сильнее моральных принципов.

— Ну что, поздравляю нас с первым раундом, — нарушил молчание Дэн. Он достал из пачки сигарету, закурил, жадно затягиваясь. — Один готов, пятеро на очереди. И кто следующий? Может, кинем жребий?

— Заткнись, Дэн, — устало произнесла Вика. — Твои шутки сейчас реально некстати.

— А я и не шучу, — пожал он плечами. — Нам нужно решить, кто пойдёт следующим. Потому что, как я понял, эта тварь не будет ждать, пока мы созреем. Она явится, когда ей захочется, и спросит, что ей вздумается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.